

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию
АНАСТАСИИ АРТУРОВНЫ ПАРФЕНЧИКОВОЙ
на тему
«МЕРЫ КОСВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ»,
представленную в диссертационный совет Д 212.282.01
на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Уральский государственный юридический университет»
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Ознакомление с представленным на соискание ученой степени кандидата юридических наук диссертационным сочинением Анастасии Артуровны Парфенчиковой не оставляет сомнений ни в актуальности и практической значимости темы исследования, ни в новизне как поставленных задач, так и научных выводов. Эта работа с полным основанием должна быть названа первым комплексным исследованием правовой природы и места мер косвенного принуждения в системе законодательства об исполнительном производстве в российской науке гражданского процесса. Данные характеристики работы обусловлены в первую очередь тем, что подвергнутый анализу институт является новым в отечественной правовой системе – его история насчитывает менее десятилетия. По понятным причинам получить комплексное осмысление в отечественной доктрине он не мог. Тем сложнее была задача, которую автор поставила перед собой – она обрекала себя на то, чтобы быть первооткрывателем в его исследовании, практически не имея опоры в научной литературе.

Актуальность темы является естественным следствием с одной стороны новизны нормативного материала, а с другой - его исключительной практической востребованности. Статистические данные убеждают в том, что с первых дней применения такая мера косвенного принуждения, как временное ограничение права на выезд за пределы Российской Федерации оправдала себя как исключительно эффективный инструмент принуждения

должников к исполнению требований, содержащихся в исполнительных документах. Нельзя не отметить, что эта мера особо зарекомендовала себя в борьбе за исполнение требований, принадлежащих социально привилегированным кредиторам (алименты и т.п.), в полной мере на себе испытавших несовершенство действующих механизмов принудительного исполнения, не способных противостоять уклонению от исполнения подобных обязательств.

Естественным результатом широкого применения временного ограничения права на выезд за пределы Российской Федерации в практике работы судебных приставов-исполнителей явилось возникновение множества споров, адекватное разрешение которых оказалось невозможно без осмысления правовой природы мер косвенного принуждения, ответа на вопрос о том, при исполнении каких исполнительных документов такие меры могут применяться, в каком соотношении они находятся с мерами принудительного исполнения и мерами ответственности в исполнительном производстве, допустимо ли применение этих мер в качестве обеспечительных, могут ли они применяться до исчерпания приставом-исполнителем попыток исполнения путем прямого имущественного принуждения и т.д. Наука гражданского процесса дать немедленные ответы на эти вопросы оказалась не в состоянии.

Личный характер мер косвенного принуждения немедленно обозначил конституционно-правовое измерение этих средств побуждения должника к исполнению требований исполнительного документа. В известном Определении от 03.07.2014 № 1561-О Конституционный Суд РФ указал на недопустимость квалификации мер косвенного принуждения в качестве обеспечительных, допускаемых одновременно с возбуждением исполнительного производства. Позиция Конституционного Суд РФ позволила скорректировать практику, исключить явные перегибы в использовании временного ограничения права должника на выезд за пределы России, но на все вопросы ответа, по понятным причинам, не дала. Поэтому

исследование всего комплекса проблем косвенного принуждения в исполнительном производстве остается насущной задачей науки гражданского процесса. Работа А.А. Парфенчиковой является, повторюсь, первым и очень весомым вкладом в ее решение, актуальность которого невозможно переоценить.

Работу отличает логичность и всесторонность исследования. Диссертация состоит из трех глав, одиннадцати параграфов, введения, заключения и списка литературы. Как уже отмечено выше, автор не могла рассчитывать на сколь-нибудь значительную поддержку в отечественных научных источниках, и потому более чем оправданным выглядит обращение к опыту иностранных государств, который методологически корректно и тщательно проанализирован на страницах работы. Автор сумела избежать, к сожалению, нередких сегодня простых призывов к заимствованию иностранных конструкций, используя сравнительно-правовой метод исключительно по его прямому назначению – как средство обогащения наших представлений об исследуемом явлении, как инструмент постижения его сущности.

А.А. Парфенчикова начинает диссертационное исследование с характеристики принуждения в праве и его форм, переходя к обсуждению специфических черт принуждения к исполнению исполнительных документов, а затем к характеристике мер косвенного принуждения. Заслуживает поддержки выделение автором наряду с добровольным самостоятельным исполнением требований исполнительного документа (стр. 24-25). В первой главе убедительно раскрыты основные характеристики косвенного принуждения: стимулирующая роль, экономия «юридической энергии» и воздействие на личные права и свободы должника. Исключительный интерес представляет изучение феномена косвенного принуждения через сопоставление этих мер с мерами принудительного исполнения, мерами юридической ответственности, обеспечительными мерами и исполнительными действиями.

Во-второй главе работы автор сосредоточила внимание на сравнительно-правовом методе исследования. Выше уже были отмечены достоинства этой части исследования. Что касается существа, то опыт иностранных государств, особенно в части тех мер принудительного исполнения, которые уже используются или планируются к внедрению в российское законодательства, представляет исключительный интерес как в научном плане, так и в качестве серьезного инструмента при разработке изменений в законодательство об исполнительном производстве. Обобщение опыта иностранных государств позволило автору сформулировать перечень обстоятельств, которыми должен руководствоваться судебный пристав-исполнитель при установлении ограничения права на выезд (стр.93-95).

Выявив существование в ряде иностранных законодательств таких мер, как гражданский арест и изъятие проездных документов, автор не могла уклониться от формулирования собственного отношения к перспективе их внедрения в отечественном правопорядке. В этой части неизбежным было взвешивание противостоящих интересов должника и взыскателя в стремлении найти их конституционно выверенный баланс, с тем чтобы не допустить внедрения мер, которые оказались бы «чрезмерным посягательством» (стр. 105) на личные свободы должника. Возможно, эта часть исследования явилась самой сложной, ибо количество факторов, которые необходимо учесть при определении собственного отношения к допустимости столь жестких мер воздействия на личность должника очень велика, а поиск оптимального решения требует выстраивания сложной системы гарантий.

Центральное место в работе занимает третья глава, в которой Анастасия Артуровна Парфенчикова исследует перспективы развития института косвенного принуждения в российском исполнительном производстве. Автор формулирует причины, обуславливающие необходимость разработки единой концепции применения судебным приставом-исполнителем мер косвенного принуждения (стр. 147-149) и

приступает к ней, последовательно анализируя разные концептуальные подходы.

Всесторонний глубокий анализ позволил А.А. Парфенчиковой вынести на защиту продуманные положения, характеризующиеся как новизной, так и аргументированностью.

Следует полностью согласиться с определением мер косвенного принуждения как правовых средств, заключающихся в ограничении, как правило, личных прав и свобод должника, направленных на его мотивацию к самостоятельному исполнению требований исполнительных документов и позволяющих экономить «юридическую энергию» (положение № 1), в котором автору действительно удалось отразить основные специфические признаки косвенного принуждения.

Несомненную доктринальную ценность имеет выдвинутая соискателем классификация мер косвенного принуждения на основании характера прав, на которые оказывается воздействие (положение № 2).

Заслуживает поддержки утверждение о необходимости обособления мер косвенного принуждения в отдельную группу механизмов воздействия на должника с целью утверждения в доктрине и законодательстве особого вида правового принуждения в исполнительном производстве (положение № 3).

Аргументированными выглядят выносимые на защиту критерии соразмерности личных ограничений принудительно исполняемым требованиям (положение № 6).

Следует полностью согласиться с обоснованными диссертантом дополнительными условиями, исключающими применение временного ограничения права на выезд за пределы России (положение № 8).

Особое значение и доктринальную и практическую ценность имеет тезис, выносимый на защиту под номером 9, о недопустимости одновременного (в работе оно названо единовременным) применения нескольких мер косвенного принуждения и необходимости установления

иерархии соответствующих ограничений исходя из характера прав, на которые оказывается косвенное воздействие.

Наконец, считаю необходимым выразить согласие с предложением о внедрении в систему российского исполнительного производства новых мер косвенного принуждения, а именно изъятия лицензий на охоту, рыболовство, приобретение, хранение и ношение оружия (положение № 10).

Выводы и положения, содержащиеся в работе, имеют высокую степень достоверности. Автором изучен широкий круг научных источников по теории права, теории гражданского процесса и исполнительного производства, подробно проанализированы нормативные акты и выдвигаемые законопроекты, выше отмечено исключительно корректное использование сравнительно-правового метода исследования, что в совокупности позволило получить научный результат, дающий А.А. Парфенчиковой с полным правом претендовать на присуждение ученой степени кандидата юридических наук.

Что касается замечаний и положений, вызывающих возражение, то отмечу следующее.

Самым дискуссионным и одновременно главным в работе является вопрос о правовой природе мер косвенного принуждения, который автор оправданно исследует через сопоставление их с мерами юридической ответственности, мерами принудительного исполнения, обеспечительными мерами, исполнительными действиями. Ответ на этот вопрос является ключевым для выстраивания внутренне непротиворечивой системы правового регулирования. Сложности, с которыми столкнулась автор, вполне ожидаемы. Автор начинает с того, что размежевывает меры косвенного принуждения и меры юридической ответственности, подчеркивая, что для правовой ответственности главным выступает воздействие на виновное лицо в качестве наказания, в то время как меры косвенного принуждения преследуют цели стимулирования, а не наказания (стр. 58). «При привлечении лица к ответственности восстановление прав потерпевших

отходит на второй план, а иногда особенно если речь идет об уголовно-правовой ответственности, становится практически невозможным» - утверждает автор на стр. 58-59. С этим тезисом сложно согласиться. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что защита прав потерпевших от преступления является одной из основополагающих обязанностей государства, реализуемых в уголовном процессе, и находится в ряду фундаментальных оснований современной модели уголовного судопроизводства. (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П и др.). Полагаем, что категоричность автора в этих суждениях является недостаточно обоснованной. Но дело не только и не столько в этом, в конце концов, о соотношении целей общей и частной превенции, наказания и перевоспитания в институте ответственности споры ведутся очень давно и очевидно далеки от завершения.

Противоречие усматривается в том, что автор тут же указывает, что меры косвенного принуждения не могут быть применены, если у должника отсутствует фактическая возможность исполнить предписанные требования (стр. 58, этот тезис подробнее раскрывается в следующих главах работы). Но если должник имеет возможность исполнения требований исполнительного документа, но не исполняет их, то он, очевидно, совершает правонарушение, последствием которого является применение мер косвенного принуждения. Но если они могут быть применены лишь к тому должнику, для которого неисполнение является правонарушением, то почему они не являются мерой ответственности? Автор утверждает: «Меры косвенного принуждения, напротив, не всегда производят эффект наказания, поскольку не для каждого должника право выезда за рубеж, например, представляет безусловную ценность, и, следовательно, в таком случае его ограничение не имеет никакого эффекта, в том числе и карательного». Но это высказывание ничего не проясняет. Во-первых, есть такие преступники, которые, как герои классических произведений литературы, не прочь провести время в тюрьме за казенный счет, во-вторых, неверно сводить дело к субъективной оценке

лицом тех мер воздействия, которым оно подвергается, - значение имеет масштаб, принятый в обществе. Если свобода передвижения имеет ценность, то эта ценность не зависит от того, может конкретный индивид выехать за границу или нет, исходить следует из общих стандартов, независимых от индивидуальных особенностей должника. И с этих позиций ограничение личной свободы есть наказание, тем более, что сам автор настаивает, что применять его можно только к тому должнику, который может выполнить требования исполнительного документа.

Автор далее указывает, что меры косвенного принуждения, как и меры ответственности выполняют функцию предупреждения новых правонарушений, но в несколько ином смысле: «если в страхе быть привлеченными к ответственности граждане не совершают правонарушения, то в страхе быть ограниченными в пользовании специальными правами и в реализации личных свобод они исполняют судебные и иные подлежащие исполнению акты». С этим утверждением сложно спорить, то все же необходимо определиться: является ли неисполнение судебного акта правонарушением? Если да, то, следовательно, и те, и другие меры и карают, и предупреждают совершение новых правонарушений, а значит, являются едиными по правовой природе.

Наконец, решительно не могу согласиться с тем, что судебный пристав-исполнитель, решая вопрос о применении мер косвенного принуждения, не может устанавливать вину должника, тем более степень вины, что является обязательным в случае привлечения к ответственности (стр. 62). Во-первых, не вполне понятно, что автор имеет в виду, под неспособностью пристава устанавливать вину должника – он вообще не может ее устанавливать или только при применении мер косвенного принуждения? Очевидно, что, будучи субъектом административной юрисдикции, пристав может устанавливать и вину, и ее степень. Более того, как далее соглашается сам автор, меры косвенного воздействия могут применяться наряду с мерами ответственности, предусмотренными Кодексом об административных

правонарушениях РФ. Следовательно, наложение административного штрафа может тесно «сосуществовать» с наложением запрета на выезд за границу. Отсюда следует вывод, что установление вины должника в неисполнении требований исполнительного документа и ее степени не составляет никакой сложности для пристава. Почему же применение мер косвенного принуждения должно осуществляться безотносительно вины в неисполнении и ее степени? Полагаем, что поиск отличий между уважительными причинами в неисполнении и виной, который автор предприняла на стр. 62-63 работы, является не более чем игрой слов. Трудно себе представить ситуацию, при которой пристав откажется налагать административный штраф по причине отсутствия вины в неисполнении исполнительного документа и тут же применит меру косвенного принуждения ввиду отсутствия уважительных причин в таком неисполнении. Напротив, только выстраивание концепции мер косвенного принуждения как мер ответственности позволит избежать тех противоречий, которые анализируются в работе, и создать стройную и целостную систему гарантий прав должника. Ибо и меры ответственности в исполнительном производстве, в частности, предусмотренные в КоАП РФ, тоже преследуют, очевидно, цель стимулировать должника к исполнению своих обязанностей, а не только к совершению новых правонарушений в будущем, а, следовательно, различия между ними и мерами косвенного принуждения нет.

Впрочем, высказанное замечание касается самой дискуссионной части работы, ее смыслового ядра, и ни в коей мере не умаляет ни ценности диссертационного сочинения А.А. Парфенчиковой, ни его достоинств.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию в публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК России, в материалах научно-практических конференций. Основные результаты исследования опубликованы в установленном порядке. Автореферат диссертации отражает основные положения работы.

В целом диссертация А.А. Парфенчиковой является самостоятельным завершённым научно-квалификационным исследованием, содержащим решение задачи, имеющей существенное значение для науки гражданского процесса. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям на соискание ученой степени кандидата наук, предусмотренным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 02.08.2016), а ее автор – Анастасия Артуровна Парфенчикова – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15: Гражданский процесс; арбитражный процесс.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

Исполняющий обязанности заведующего
кафедрой гражданского процесса Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
доцент,
кандидат юридических наук
(специальность 12.00.15 – Гражданский процесс;
арбитражный процесс)

МИХАИЛ ЗИНОВЬЕВИЧ ШВАРЦ

06 декабря 2016 года
ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб. д.7-9.
ТЕЛ. 8(812) 329 28 31
ЭЛ. ПОЧТА gr_process@jurfak.spb.ru

Документ подготовлен в порядке исполнения
трудовых обязанностей

Подпись *Шварца Михаила Зиновьевича*

ПЛАВЕРЯЮ

начальника
кадров

08.12.2016